

НЕБО ЦВЕТА
ЕЕ ГЛАЗ

Диана Дуоровская

Диана Дубровская
Небо цвета ее глаз

«Автор»

2024

Дубровская Д.

Небо цвета ее глаз / Д. Дубровская — «Автор», 2024

«Джеймс Уоллер - являясь мелким воришкой и самым страстным желанием местных дам, мечтающий о Европе и богатстве - решает провернуть грандиозное дело, что приведет его к новой безбедной жизни. Встретив на окраине города Кесвик богатую девушку, Джеймс понимает, что впервые его влечение к даме приобретает бесконечную тягу и невообразимую страсть. Совершив крупный грабеж, юноша опустошает сейф графской компании. Тем самым ставит точку, не имея возможности вернуться к прежней жизни. Приобретая желанное богатство в один миг, он теряет все. Сквозь года ошибка юноши привела его к расследованию светской противозаконности в Лондонском казино, ненависти к себе и безразличию к людям. Нерушимая временем связь с замужней Грейс Донован, смогла пробудить в нем самое худшее - необузданную страсть, что даже не смогли сдержать узы брака»

© Дубровская Д., 2024

© Автор, 2024

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	25
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Диана Дубровская

Небо цвета ее глаз

НАЧАЛО

«Я буду рад рассказать эту историю своей дочери.

Историю любви, точка в которой будет ставиться лишь в конце моей эпитафии»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

– Гейб! Друг мой! Ты готов восстановить справедливость? – спрашиваю я своего парнишку.

Весельчака, с крепкими руками, но худощавым телом. Сирота, обладающий хорошими манерами с нашими фермерскими девчонками, однако, острым языком в компании мужчин.

– Ты так спокоен, Джеймс. А не задумывался, что будет если нас поймают? – ответил он мне с явной трусостью, что так была несовместима с ним.

– Что только может не случиться?! Большая, конечно, вероятность, что мы останемся без головы, но, если свезет, оставшуюся жизнь будем гнить в тюрьме, – саркастически отвечаю я другу.

– Вот поэтому, я и говорю, подумать еще немного, все ли верно мы просчитали? Мы точно сможем управиться с охранником? – повторяет он этот крайне надоедливый вопрос.

Хоть и изредка показывал он мне свои переживания, еще реже можно было услышать тревожность, захватившую тон его голоса. Это явление сейчас представилось мне, как непонятный переход за грань его повседневного поведения. Хотя переживания, увы, но были совершенно обоснованными, а осторожность, которую он всегда проявлял, являлась основной причиной наших заслуг.

Я отмахнулся рукой, надеясь, что удача будет на нашей стороне, как обычно, и было, но во мне бушевал страх, что все же что-то может пойти не так.

– Обойдется все. Своего я в любом случае добьюсь. Мы это для себя же делаем. Представь: Заграничье, рестораны, девушки, – перебил я вслух свою тайную тревогу, беззаботными словами и улыбкой.

– Это и вправду стоит того, – подтверждает Гейб, помяв немного руки.

Я простой фермерский парень. Всю жизнь я прожил в маленьком, разваливающимся домике в Озерных краях, города «Кесвик». И если верить моему отцу, наше сословие рабочих, с недавнего времени, оказалось не на самом дне жизни, как мне могло показаться.

Скажу сразу, в открытую, без стыда и отговорок. Я всегда жаждал лучшего! И я, и мой отец и даже покойная мать, не достойны такой убогой жизни. Но изменить я ничего не мог, как думал я раньше. Кто я, и где, то место которому я нужен? Неужели оно останавливалось на разведении лошадей и ожидания урожая? Существует ли, что-то, что могло осчастливить меня настолько, что мог бы я с легкостью забыть родные края? Да, и это называлось «другой жизнью!». Богатой жизнью, наполненной удовольствием в каждом дне и отсутствием отказов в том, что требовала моя душа.

И вот, как-то однажды, мы с Гейбом решились изменить всю нашу жизнь. В наши головы, взбрело ограбить представителя крупного завода в самом ближнем и обеспеченном городе, неподалеку от нашего. Все как в мечтах: разбогатеть, уехать за границу, зажить как в сказке, найти работу по душе, а может и вовсе не работать!

По моим размышлениям это всегда казалось легко. И сошел бы я за легкомысленного глупца, но я-то знаю, о чем говорю, и друг мой тоже это знал; всегда добавлял к нашему основному плану все самые безумные мечтания и представления о будущем ликование где-то далеко отсюда. Наши общие амбиции делали нас сильнее. Это не было импульсивным решением. Это было массовым планом.

Возникал еще один важнейший вопрос. Как же с этим жить? Ведь моральный выбор является тем, что почти всегда характеризует наш внутренний мир. Может и так, но я принял по-своему тоже сложное решение, хотя придумано оно было как «легкий выход». Не вспоми-

нать, и, даже не предполагать, что тот богач будет страдать и мучиться, по своему финансовому положению. Конечно! Ведь если рассуждать позитивно, то в скором времени он станет банкротом.

И да! Я не припомнил пару очень значительных вещей о нашей «беззаботной, легкомысленной фермерской жизни». Начал бы я с того, что Гейб Митчелл является мне лучшим другом с того самого момента, как я начал себя помнить. Всегда мы являлись главарями в мутных компаниях, если на то, было время.

И никому было не понять кто на кого плохо влияет. Нас, как бесстрашных заводил, пороли в сарае, обязательно хотя бы раз в неделю, за значительный проступок; это те, что не сходили нам с рук! В большинстве наших проделок нам везло, и все же, выросши, мы остались братьями. Мы делали все сообща; мы жили сообща. Такая дружба многого стоила.

И этот период жизни произошел вместе с Гейбом. Сначала мы были мелкими воришками и были рады самому малому, что нам удавалось достать своими силами и смекалкой. А дальше из нас выросли профессионалы своего дела. Наша небольшая, но все же криминальная карьера, росла в гору. Мы уж думали, что достигли славы в своих глазах, до этого не воображаемого плана.

Постоянные раздумья мешали мне во многом. Да, и с местными красавицами все не сходилось. Постоянные требования внимания, потом и сплетни про подруг шли в ход, в повседневные разговоры. У меня быстро проходил интерес к тому что я видел, с кем я пытался поговорить. Мне становилось скучно! Настолько скучно, что со временем моя же совесть никак не откликалась на похоть, и мои несправедливые, ветреные поступки в сторону девушек, что казались мне пустышками.

Я не могу ответить на вопрос, хороший ли я человек. Я просто делал; и делал так, чтобы чувство вины никогда не брало надо мной вверх. Ведь, всегда хотелось чего-то нового, чего-то завлекающего снова и снова. Меня затягивало, но тут же выбрасывало из этого порыва фальшивых, временных чувств. Интерес сменялся опустошением, а опустошение новым интересом. И так, перебрав всех девушек в нашей местности, ни к чему практическому я не пришел.

Я вернулся сегодня домой, чтобы проведать отца. Обычно домой я прихожу только переночевать, но из-за плохого самочувствия трудолюбивого рабочего, которому выписал местный лекарь «покой», я почувствовал, что стоит проверить его. Но позабыл, что меня ждет нескончаемый разговор: «А когда меня не станет» – словно молитву проговаривал он мне, каждый раз, когда чуть прихватывало сердце, но что бы не было, волновало меня это мало.

Я поздоровался с нашей соседкой, тетей Энн. При виде которой я думаю, какая по истине она добрая женщина, что помогала нам с отцом в трудные времена; ее поступок оставался в моей памяти. Но все же единственным качеством, которое раздражало меня в людях больше, чем другие остальные, являлось любопытство. И в этот раз я не смог увильнуть от разговора с ней. Меня спасло только то, что у отца больное сердце. Это было действенной отговоркой, чтобы закончить столь неинтересный мне разговор. С этой мыслью, я смог дойти до порога своего же дома. С трудом, не отговорив себя повернуть обратно.

Глава 2

Только захлопнулась за мной дверь и, со лживой уверенностью, я перешагнул порог, по привычке повернув голову в левую сторону. Я настолько знал своего отца, что без сомнений; он сидел за столиком, где мог спать, есть, и променять свою любящую жену и семейную жизнь, на более важное, по его мнению. На вот это! Стол с медью, и стоящей кружкой молока от соседки.

Но, пожалуй, пока рано сваливать все в одну большую кучу, поэтому я утихомирив свои мысли, чтобы вновь не заводиться от вида этой картины.

– Джеймс, о, ты пришел! Сядь, – указывает он своей рукой на стул, напротив.

Я безмолвно сажусь и жду начинания диалога, что наверняка будет не так уж прост, ведь дома я не бывал пару ночей. И чего следовало ожидать от моего появления?

– Я не буду придумывать вступление к тому, что скажу, но ты ведь знаешь, что ты мой единственный ребенок, единственный сын. И чего бы хотела твоя мать для тебя...

– Не смей впутывать мою мать в то, что хочешь сказать! И не тужи. Я не буду долго терпеть, ты знаешь, – рявкнул я на старика, из-за упоминания о моей матери в своем бессмысленном, жалком предложении; пытаюсь разжалобить меня, и оправдаться тем, что его слова сошлись бы с мнением моей матери, которые имели бы большую ценность, в отличие от его болтовни.

– Я пытаюсь понять тебя. Всегда пытался. Но когда меня не станет...

– «Скоро, меня уже не станет, от таких разговоров» – подумал, в который раз, я, но продолжил слушать его лепет. Который затянулся так, что половину разговора я благополучно пропустил, и вернулся из своих мыслей только когда тон его голоса немного повысился.

– ...в общем, я хочу, – решительно начал говорить отец, – я прошу, подумать о жизни, которую ты видишь в будущем. Призываю подумать о семье, которую надо уже создавать, – он немного задумался и добавил, – ...и наверно главное, сохранить ее. Школу ты забросил уже давно, так что нечего сидеть без дела.

«Школа». Вспомнилось мне, такое серое место... и только к урокам литературы я проявлял яркий, выделяющий интерес поэтому, когда ушла наша учительница, я больше не видел никакого смысла появляться там. При слове «школа» я вспоминаю ее.

Ее мягкий успокаивающий голос, что мог утихомирить даже самых непослушных детей. На ее уроках я сидел тихо, и показывал свою заинтересованность сполна. Она была женщиной уже возраста, подходящего к пожилому, но множество морщин делали ее лишь еще красивее. Все это было уже неважно, ведь преподавательница ушла, а с ней и вся тяга к знаниям.

Голос отца опять вернул меня из хороших воспоминаний, что порой накрывали мое сознание, как шерстяной плед в самую тоскливую погоду. Он вообще помнит, что мне уже за двадцать...?

– Я не знаю, как сказать это, чтобы достучаться! Но ты должен стать человеком, сын, – помотал головой отец.

Неужто, чувство вины может толкать человека на такие слова?

– Ясно, хорошо... я понял. Могу идти? – смиренно ответил я, жажда выйти за порог и стереть этот разговор из памяти, как десяток других.

– Я говорю совершенно серьезно! Джеймс, это мое единственное желание! Что бы ты стал примерным человеком и мужем. Я долго не протяну, ты это знаешь. Я должен быть уверен в тебе. В своем деле!

– Примерным человеком и мужем как ты?! – воскликнул я.

Он стукнул кулаком по столу после краткого вздора. Эмоции, эмоции, эмоции! Что могло быть причиной, такого страха за мое будущее, если его присутствие в моем прошлом сводилось к нулю? Продолжение его дела... чертова ферма, что была мне не домом, а клеймом.

У меня никогда не было повода бояться отца. Не его руки, не его слова, не его решения, и не его потери. У меня нет повода верить в его искренность. Ведь искренность от чужого человека может быть самой пагубной для наших твердых решений.

– Прошу, подумай. Найди девушку, женись, пусть родит тебе ребенка. Продолжай мое дело. Живи достойно! Не лезь ты куда попало.

– Отец! – встал я из-за стола.

– Думаешь, я глупец? Думаешь, не знаю! Слепой? Глухой? Да каждый раз, сидя дома, я молюсь. Молюсь, чтобы ты домой вернулся! Чтобы в тюрьму не угодил! Каждый раз думаю, если вернется, руки опять грязные будут. В чужом, сворованном. Да нет нужды у нас! Нет! Чего же ты позор развозишь. Чего же добиваешься?! – встал он со стула, размахивая руками, насколько позволяют силы.

А я лишь моментально выскочил на улицу, что бы ни слова больше не было услышано мной. Такое странное чувство. Самоуверенный парень в какой-то момент выдыхается? Нет, я никогда не мог показать кому-либо этого. Чувство главной роли в своей жизни никогда не покидало меня. И моя роль – борец. Даже если не законопослушный. И я знаю, что моя история уж точно не должна начаться здесь.

Сидя, на деревяшке у колодца, облепленным мелкими камушками, которые я пересчитал уже по третьему разу, мои размышления перебило чуть истеричное дыхание. Раздраженно, я повернулся, чтобы сказать проваливать человеку, что нарушил мое одиночество... но это оказалась девушка.

На лице моем отразилось разочарование от не случившейся потасовки, но и мимолетная идея будущего времяпрепровождения, что проскочила в мою голову, когда я пытался разглядеть хотя бы ее профиль. Она сидела спиной ко мне в паре метров, но я, явно, был незамеченным.

Светло-золотистые волосы волнами свисали ниже плеч, но только платье привлекло мое внимание. Лиловый цвет, рюшки... Да что она тут делает? Девушка не из бедных, это точно!

Я был бы скорее идиотом, если бы ушел, не успокоив богатенькую леди. Хоть и настроение подводило меня, а слова отца имели тошную правдивость.

– Эй! – окликнул я ее, не подходя совсем близко, чтобы не напугать своим неожиданным присутствием, и внушить каплю доверия.

Она повернулась, и тут-то я подумал, что как бы сладко это не звучало, но девушек красивей, пока что, я не видел. Такой прелестный... голубоглазый, заплаканный, ангел.

Такие безупречные женственные черты лица, хоть и по возрасту она была ненамного младше меня, как мне показалось. В любом случае это было мне на руку, она была передо мной. Молода, наивна и опечалена. В душе ждала поддержки и успокоения от другого человека, кем однозначно должен был стать я.

– Что тебе нужно? – резко ответила она после паузы, в которой рассмотрела меня.

– Видно ты в отчаянии. Я решил, что тебе может помочь компания, – с доброй улыбкой сказал я, сам не зная, поступил бы я когда-нибудь так же, не имея выгоды.

– Я не в отчаянии, тебе показалось, – вытерла она, оставшиеся капли на щеках, рукавом, и неприветливо улыбнулась, смотря мне прямо в глаза, будто передразнивая мою наигранную улыбку.

Ее прямой взгляд смутил меня. Я сдержал удивленную паузу, и хотел было продолжить говорить, но она, увидев мой открывающийся рот, тут же грубо остановила меня.

– По мне не видно, что знакомится с тобой я не хочу? Иди болтай с другими, мне не нужна помощь! Интуиция не подсказывает тебе, что...

– ...что очень привлекательная девушка, нуждается в очень веселом, симпатичном парне, что может выслушать ее терзающую душу историю, а затем повысить ей настроение? Разве это плохо? – облокотился я на дерево, рядом с ней. – Моя интуиция кричит мне об этом! Как я могу не довериться?

Первый шаг сделан, девушка улыбнулась. Приблизившись к ней, я понял, как недооценил ее глаза. Они действительно были прекрасны. Любой бы клюнул на нее, посмотрев только в них, не считая всех других ее внешних достоинств. Да и в улыбке было, что-то показывающее ее дурманящую натуру. И она была не так деликатна, что подогревало мой интерес к ней.

– Что у тебя случилось? – легко сказал я, не настаивая. – Можешь не отвечать, разумеется... если не хочешь.

– А тебе прям так и хочется разговорить меня?!

– Я был бы рад сделать хоть что-то, чтобы другой человек не чувствовал себя одиноко, – я старался отводить свой взгляд от нее, но не потому что боялся, что ложь в глаза – слишком подло, нет. Я просто знал, что слишком падок на красивых девушек, а влюбленность в очередную «сумку с деньгами» – слишком совестно.

Она смолкла на время.

– Я просто хочу дышать, – тихо произнесла она.

– И что это должно значить? – спросил я.

– Рассказывать личные проблемы незнакомым людям, глупо, а надеяться на понимание, еще глупее. Так что довольствуйся тем, что я уже сказала.

Она встала с переваленного дерева и направилась в неопределенную сторону.

– Ты уходишь? А как же попросить проводить? Спросить имя? – самоуверенно начал предлагать я варианты, чтобы она поняла мои намерения.

Но она только усмехнулась.

– Я не нуждаюсь, не в провожание до дома, не в знании твоего имени, – засмеялась она, обернувшись, смотря на меня, как на дурака.

Я снова удивился проявленному характеру. Желание выгоды очень быстро отпало, вместо него остались неопределенные впечатления и пылающая заинтересованность.

– Меня зовут, Грейс! – скрываясь за деревьями, довольно крикнула она, и я проводил ее взглядом.

Чуть позже, голос Гейба раздался в дали.

– Джеймс! – прокричал он.

Я, помахав рукой, пошел ему навстречу.

– Все хорошо...? – спросил он.

– Да, конечно, – приврал я, не сказав об инциденте с отцом.

– Ночью, через несколько дней?

– Да, – ответил я на вопрос об ограблении.

Глава 3

В знак благодарности, за отзывчивость соседки, я делал то, на что у нее не хватало ни времени, ни терпения. Я проводил время с ее дочерью. Приглядывал я за ней с самого детства, так что никогда это не было мне в тягость. Пятнадцатилетняя темноволосая девочка, что любила игры, приключения и неприятности, являлась мне вторым близким человеком, после Гейба. Ну а все вместе, они составляли одно большое сердце Озерного края, что делали мою жизнь ярче и прекрасней.

Тетя Энн доверяла мне ее как младшую сестру, и велела всегда держать ее в узде, хотя шли годы, а ничего не менялось. Оливия росла в компании мальчишек, воспитавшие в ней свойственность бунтовать, и намеренно создавать себе проблемы.

Увы, главной ее проблемой все равно являлся я, а точнее ее юные, пылающие чувства. Может я и не задумывался, что было бы, если бы она была старше, или может, что будет, когда она действительно станет старше?

Бывало, что слова моей мамы приводили меня в ступор, когда она тыкала в меня указательным пальцем, и твердила про мужество «говорить, как есть», без лишних отговорок, что якобы оправдывали отвержение чувств другого. Тогда я был ребенком, но ее слова являются советом мне по сей день. Если нет чувств – это причина, и только это имело значение, а не отговорки, что ты придумал для смягчения удара. Только иметь бы храбрости этим воспользоваться.

Сейчас же храбрость заключал в том, чтобы постучать в дверь и встретить девочку, что некоторое время я даже избегал. Я стою у двери соседей протянув руку, и прекрасно знаю, что она этого ожидает. Ожидает прямо за дверью, той же у которой стою и я. Постучав, и не услышав никаких шагов, я подтвердил свои убеждения. Это были наши так называемые «интуитивные игры», что часто заканчивались моей победой.

Повернулась ручка двери.

– Так, так, так! Ну и не часто же ты появлялся, – сказала она, приятно обняв меня. – Месть моя будет страшна, ты знаешь?! – с доброй улыбкой, шутя, ударила она меня по плечу немного шатнувшись.

– У меня были дела, ты знаешь, – сказал я достаточно неубедительно.

– Да, я знаю, – она поджала губы, как будто разочаровавшись моему глупому оправданию. – Проходи уже, – сказала Оливия и протолкнула меня в дом. – Ты будешь что-нибудь? Мама недавно готовила.

– Нет, нет, спасибо.

– Мы пойдем веселиться на неделе, ты с нами? Гейб там будет, если ты не захочешь идти без него, – сядя на кресло спокойно сказала она.

– Что значит веселиться? Мы договаривались, что ты не будешь ходить в такие места без меня!

– Ты пропал! – отрезала громко она, явно раздражаясь моей опеке.

– Оливия, мы договорились! Там слишком шумно, далеко не все тебе смогут там помочь, если что-то случится! – на повышенном тоне объяснял я ей.

– Почему там «что-то» должно случиться?! – перекрикивает она меня.

– Тебе пятнадцать!

– Черт возьми, я знаю, что мне пятнадцать! Не нужно мне напоминать об этом каждый раз, я устала это слушать! Меня не нужно оберегать. Когда же ты услышишь меня? Я тебе не младшая сестра!

Наступило молчание. Молчание, когда я задумался о том, насколько она права, но в то же время, как глубоко заблуждается.

– Ладно. Хорошо. Мы пойдем туда, куда ты хочешь. Но если узнает твоя...

– Не узнает, – перебила она меня с победной улыбкой, после которой я уже засомневался в своих мало обдуманных решениях. – Джеймс, я часто ходила туда. И даже без тебя, меня не трогали, с тобой то ко мне уж точно никто не подойдет... что между прочим огорчительно, – промелькнул намек, на противоположный пол, в ее сверкающих глазах, и совсем легкое смущение.

– Если ты хоть слово еще скажешь, то никуда не пойдешь. Я не хочу знать, сколько раз ты сбегала из дома, – твердо сказал я, зная, что могу передумать, если мы не закроем тему.

– Хорошо, не буду, – опустила она глаза, задумавшись. – Сбегаем на озеро? – резко спросила она меня.

И зная, какой ответ должен был я произнести, спеша добавила:

– Да, меня не отпускают. Да, я провинилась. Но это же не повод сидеть дома? Несмотря на все, что мы вытворяли раньше, ты очень ответственный и этим я хочу сказать...

– Пошли, – отрезал я без сомнений в этот раз.

– Так просто? – удивленно спросила она меня, недоверчиво вылупив глаза.

– Просто я вспомнил, что лес – это не самое худшее куда я водил тебя. Если твои родители узнали бы в какие путешествия мы влипали, они бы лишили меня жизни, не, то чтобы доверия, – с осознанием говорю я.

Оливия прихватывает полотенце перед выходом, и мы аккуратно удаляемся с территории их дома, надеясь не быть замеченным. Одну только ее, могут растерзать соседи и сдать родителям, обвинив в очередных побегах, так еще и в компании с мужчиной. Этого бы глаза ее соседок точно не смогли бы пропустить, так что предельная осторожность была кстати.

Из-за разговора с отцом весь день, по правде говоря, был испорчен. Все что я видел, было мне противно. И не преувеличивая, я принимаю то, что все мне в тягость. У меня нет желания беззаботно резвиться в озере, однако отведя взгляд от намокшей головы Оливии, купающейся вдалеке, я огорченно понял, что даже воздух, который я поглощал, был будто бы пропитан каплями тревожности, что следует за грузом, оставленным словами отца. Переступать через плохое настроение в этот миг мне кажется подвигом, к которому я не готов.

Однако, виду я не подавал, и со стороны выглядел скорее, как человек летающий в своих рассеянных мыслях, нежели как человек просто скверного настроения.

– Оливия... Оливия, где ты...!

Протяжно спросил я, потому что потерял ее из виду.

– Иду, я здесь! – прокричала она мне где-то отдаленно, из-за высоких деревьев и кустарников.

Через короткое время она уже стояла, облакачиваясь на крепкое дерево, создающее единственную тень на этом маленьком озере.

Мне было лет двенадцать, когда я нашел это восхитительное место. И как-то раз сбегаю из дома, точно так же, как и та, кого я ругаю за эти проделки, сломя голову побежал в лес. Я потерялся и прошел через множество ветвей, что остро царапали руки и щеки, оставляя красные следы, что потом обрабатывала мне мать, нежно поглаживая по голове и ругая, за глупость. Они привели меня сюда.

Один раз собираясь сюда снова, маленькая, капризная, пятилетняя девочка устроила непрерывные слезы, что остановить можно было только взяв ее туда, куда с ней не шли. Пришлось тащить Оливию через весь лес, до этого чудного места. Для нас оно было тайным. Оно было в глуби леса, и никто сюда не ходил; так мы думали.

Сколько бы лет не прошло, мы прибывали здесь регулярно. Озеро перестало быть тайным, а точнее позже мы узнали, что оно никогда им и не являлось. Со временем стали приходить люди, купаться, рыбачить... и детство кончилось.

Через несколько минут из-за веток вышла Оливия. На ее мокрые плечи свисали русые, потемневшие от воды, волосы. Завернутая в полотенце, что взяла при выходе из дома, она совершенно спокойно стояла передо мной, мягко, но устремленно направив взгляд.

– Я готова искупаться еще раз, – произнесла она, наивно улыбаясь с горящими глазами.

– Нет, я... – на секунду я растерялся, ее отсутствию стеснения, – ...в общем, одевайся, нам пора идти. Скоро вернутся твои родители, мы должны быть дома.

– Родители не будут сердиться, если не застанут нас дома, я же с тобой. И к тому же... – продолжила она этот непонятный разговор, – я могу помочь развеять печаль?

Кокетливо! С подвохом! С намеком?! Я почувствовал каплю воды, упавшую на мою рубашку с пальцев этой девушки, которую я уже не узнавал. Я не глупец, чтобы не понимать этого намека, но и не такой мерзавец, чтобы поддаться соблазнению сестры, что была объектом моей бесконечной заботы, начиная с нашего раннего знакомства.

– Оливия...

Я отвернул голову от этого позора, хотя толком еще ничего не произошло, и неизвестно произошло бы. Зашла бы она за черту, которую будет необыкновенно сложно собрать из развалин, что оставил бы этот все меняющий диалог?

– Что?

Меня убивало все. Все действия. И стыдили ни за что, все слова.

– Джеймс, разве ты не понимаешь, что я хочу сказать этим? – держа руку на крае полотенца, миловидно произносит она, совершенно не осознавая, что сейчас может все испортить.

Снова в попытке провести мокрой рукой, уже по моей каштановой длинной челке, свисающий на лоб, и не контролируя эмоции, я грубо схватил ее за руку, поддерживая чуть не падающее полотенце, которое она так хотела отпустить передо мной, мечтая о сладостной, долгожданной взаимности.

– Мне больно! – всхлипнула она.

– Да что же ты творишь?! – кричу я на нее.

– А что не так, Джеймс?! Что? – отдергивает она руку.

Второе качество, которое меня раздражало, и на веки будет раздражать в людях, это не понимающий человек: «О чем ты? Что я сделал?» – и все из этой позиции. Когда люди делают из себя дураков, совершающих неразумные действия, а потом просто делают вид, что в этот момент они не были в теле, и что все невежественные действия были не под их руководством. Но что, если она правда не видела ничего постыдного в том, что видел я? Угрозу ее непорочности и невинности.

– Ты ведешь себя как распутная девка. Вот что не так! – произнес я мысли в слух, подавшись эмоциям.

– Не кричи на меня! – расплакалась она от неожиданности, либо от обиды, что жжет ее изнутри. – Я... просто не понимаю. Не понимаю! Почему нет? Почему все они? Почему все, но не я?! Ты любишь каждую, но не сумел полюбить меня! Ты просто убиваешь время, пока твой отец умирает, корячившись на работе!

Мне не стыдно, что в тот момент моя рука не согласовалась с разумом, и оказалось на ее молодой щеке, моментально покрасневшей от моего злостного удара.

Когда люди доверяют свое сокровище, ты должен сделать все, чтобы не разочаровать их? Я разрешал многое. Она была для меня особенной, просто необыкновенным ребенком. У нас очень большая разница в возрасте, что всегда мне нравилось. Чувство ответственности, и ощущение себя, как старшего брата. Сильным, справедливым, и балующим свою девочку. Даже когда я избегал ее, от шокирующей новости, что загнала меня в угол, так не переставало

быть. До этого момента. Я не знал, что такое может произойти, а может это лишь вспышка гнева, что пройдет через какое-то время.

Притащив ее из леса, крепко сжав руку, мы вышли на тропу, что вела к дому. Уже виднелись крыши наших домов.

– Оливия! Джеймс! – послышался удивленный голос тети Энн.

– Мама, мы с Джеймсом ходили прогуляться неподалеку. Как вы сходили к тетушке? Как она себя чувствует?

– Более-менее. Уже получше. Подробности расскажу за чаем. Джеймс, благодарю что провел время с ней. Хочешь зайти на чай?

– Нет, мам. Джеймс говорил, что сегодня у него большие планы, – не дав ответить мне, сказала уверенно Оливия, не бросив ни взгляда на меня.

Тетя Энн подозрительно взглянула на меня, но я кивнул ей в знак, что все хорошо, и я вправду занят.

– Ох, ну что ж, ждем в следующий раз! – непринужденно ответила она.

Я, промолчав, ушел. Что мне оставалось делать? «Ты любишь каждую» – крутилось у меня в голове. Если бы она только знала. Если бы знала, что я никогда не любил каждую. Я любил тебя. Но боюсь, что этот ответ сделает тебе больнее, чем мое молчание. Ведь в этой фразе у нас слишком разное значение.

Глава 4

– Почему ты не говорил, что Оливия выходит по вечерам на костер? – спросил я, сидя на деревянных перилах курятника.

– А она ходит? – удивленно спросил Гейб, но тут же уставши выдохнув, продолжил говорить, когда я дал понять, что знаю подробности. – Я видел ее всего раз там. Нечего беситься.

– Нечего беситься? – возмущенно спрашиваю я.

– Послушай, я не знаю, что это за синдром защитника, но насколько я понял из твоих рассказов, единственный кто обижает ее, это ты, а не парни с ночных посиделок.

– Но что же мне делать! – раздраженно откинул я в сторону ранее подобранный камень.

– Оливия нравится тебе? – серьезно спросил друг.

Я молча, отрицательно помотал головой, и хотел оставить Гейба за его утренней работой, но он приостановил меня.

– Джеймс, думай лучше о нашем плане, не забивай себе голову, это все образуется. А с ней я поговорю об этом.

– Не упоминай о том, что я сказал тебе... про вчерашнее, – настороженно предупредил я.

– Конечно, – с понимаем ответил он, и я, снова обернувшись, удалился; шагая по мягкому селу.

Я зашел домой за сумкой, что понадобится мне в течение дня, для того, чтобы не возвращаться. Отец спал. Я смотрел на него, какое-то время... Но достаточно быстро усвоил, что никогда бы не посмел взглянуть еще раз в его открытые глаза, ну а если бы и посмотрел, сгорели бы от стыда, наверное, мы оба, за те игнорирования чувств, что мы проявляем друг к другу день изо дня.

Его вина. Вина перед мамой, мной. У каждого, свое наказание, мое уже прошло в при-
скорбных порывах гнева и печали, а его наступит с одиночеством, что не заставит себя ждать.

Для покоя, уединения и гармонии, я всегда выбирал водоемы. «Сливаясь со звуком всего живого, можно постичь истину» – писалось в одной нудной книге, названия которой я и не запомнил. Но моя версия о том, что познать, так называемую истину о себе, мы можем и в пустой комнате.

Всего лишь нужно восстановить дыхание. Позабыть о людях. Раствориться в надуманном блаженстве, забыв о существовании всего, что пагубно влияет на наше «я», а потом проснуться, и признать иллюзию истинной, ведь истинна должна быть приятна.

Нет, водоемы я выбирал только по причине, что там тихо. Не больше.

В любом случае сегодня что-то перемкнуло, и я решил навестить давнего, верного друга. Филина. Гордый, не истрепанный временем, с хорошей памятью на лица, с чувством долга на его массивном теле, конь.

Что бы добраться до конюшни надо было совершить «кругосветку», так мы шуточно называли путь от дома до конюшни, когда были детьми. Выбегая в спешке на улицу, мы с мальчишками кричали в окно своим родным, чтобы не переживали. «Из этого путешествия вернемся мы не так уж и быстро, но все же вернемся» – героически повторяли мы своим родителям, давая очередной повод переживать. После этого мы убегали. Стоя на том же месте, и так же разрабатывая план «Как туда добраться, не повредив колосья?», которые окружали меня всюду.

Трапа была шириною будто в нить, и как аккуратно добраться туда, я не имел представления. Передо мной было необъятное, желтое поле, которое колыхалось от малейшего

ветерка. Солнце настолько обжигало кожу, что приходилось прикрываться руками, но это только мешало ровно держаться на ногах, не шатаясь, и не приминая новые колосья.

Прийти в поле в полдень, было глупым решением, тут же понял я. С трудом делая шаги, я чувствую, что колосья начинают раскачиваться из стороны в сторону. Все дальше и дальше шагая, они оказываются мне по пояс.

Прекратив шаг, и прислушавшись, я уловил, что кто-то еще пробирается через колосья. Повернувшись, скорее я ожидал увидеть дикое животное, однако мне повезло намного больше. Я увидел ту, кто вызвал у меня необъяснимую улыбку, и даже ее имя моментально мне вспомнилось, хоть и прошло пару дней с той забавной встречи.

Грейс. Она так же, как и я пробиралась через эти дебри, но меня опять не заметила. Я решил попытаться как можно тише подобраться к ней на этот раз. Даже, не зная, с какой целью. Удивить? Напугать? А вспомнит ли эта девушка вообще меня? Я подошел совсем близко, но она резко повернулась, что испугался скорее я.

– Как некрасиво пугать даму, да еще и в таком месте! – с надменной улыбкой у краешка губ, поучительно произнесла она.

– Я совсем не собирался пугать вас, – разводя руки, оправдался я.

– Но могли, – обвела она глазами меня. – Не стоит подкрадываться, в первый раз вы были более предусмотрительны.

– Вы вспомнили меня! Я рад, – искренне сказал я с улыбкой.

– Разумеется с трудом, но ваши длинные пряди волос и видное самолюбие дали о себе знать.

– Видно я оставил у вас не очень хорошее впечатление, но могу это, довольно быстро, исправить, – сказал я, не заметив, как разглядываю капельку пота, что стекает по ее длинной шее к оголенной ключице.

Ее вид был более легок чем в первую нашу встречу. Легкое, длинное платье, со смешанными голубыми оттенками и пышными рукавами, что теребились от ветра вместе с прядями волос, которые невероятно гармонично смотрелись с ярким, насыщенным цветом всего поля, освещенного дневным пылающим солнцем.

– Я подумаю над этим, сейчас же мне нужно в конюшню. Один мой знакомый направил меня сюда.

– Я знаю, кто направил тебя сюда. Если встретишь его еще раз, лучше не слушай его болтовню.

– Мне сказали он проведет меня туда, – утвердила Грейс.

– Видимо, проведу я, – сказав, махнул в сторону конюшни, до которой нам предстояло добраться.

Я протянул ей руку, но она гордо отказалась, нахмутив брови.

– Я, Джеймс, если ты захочешь знать, – представился я по дороге.

– С чего бы мне хотеть узнавать тебя? – упрямо спросила девушка.

– Если не сейчас, то скоро захочешь, – признался я, не скрывая самодовольной улыбки.

Через несколько минут ходьбы молча, мы дошагали до входа в конюшню, в которую, казалось бы, так легко пройти.

– Так почему ты была тогда расстроена?

– Ты вообще умеешь молчать?

– Можешь не отвечать, но тебе же будет легче! – бросил я на нее обаятельный взгляд.

– Я ответила тебе тогда.

– Нужен нормальный ответ, – уточнил я.

Она тяжело выдохнула, закатив глаза как ребенок.

– Это связано с доходами семьи. А точнее... с переменами, которые могут за этим быть.

– Мы еще не говорили о том, как такую богатенькую девушку занесло сюда, – припомнил я.

– Мы вообще не говорили, почти, – поправила Грейс.

С открытием двери, я пошел в сторону Филина. Давно я его не видел. Я открыл товарища. Грейс стояла чуть дальше от Агастуса, рыжевато-коричневого, такого же по росту, высокого коня.

– Выбрала?

– В смысле выбрала? – протянув руку к коню, спросила, будто не понимая, о чем я.

– Ты ведь не просто так пришла сюда. Слушай, я здесь с самого детства, а ты точно приезжая, так что я буду рад провести тебе экскурсию.

Грейс бросила на меня подтверждающий, одобрительный взгляд, а тем временем, я быстрым шагом направился за седлом и уздечкой.

– Он великолепен! – восхитилась она конем, поглаживая его длинную, твердую шею.

– А ему повезло, – усмехнулся я, – я уж, думал от тебя не дожждаться комплимента.

– Я не такая черствая, – кивнула она, и добавила, – по крайней мере для лошадей.

Она все смотрела на меня своими чертовски красивыми, голубыми глазами, в которые я покорно загляделся.

– Ты же... понимаешь, что со мной такое не пройдет, – начала она с усмешкой возвращать меня в реальность.

На что я, непонимающе, качнул головой, подумав, что пропустил что-то, что она сказала перед этим.

– Эм... Ты, я, слова «ему повезло», и что-то в этом роде не действуют на мое расположение к человеку, – она покачала головой.

Может, она и такая стойкая, но навряд ли это будет мне являться проблемой. В ту же минуту я понял, что не заметил, как стерлась грань, между первоначальным желанием обчистить ее, и искренней заинтересованностью, что так стала чужда для меня.

Грейс с легкостью залезла на лошадь, хоть я и сомневался, что в платье это возможно. И не став ждать меня, она уже направлялась вперед. Так и началась конная прогулка. Через время я смог догнать ее, и скакать на равной скорости, не замечая неприятные ощущения в копчике.

– А ты неплохо...

– ...водишь конем для девушки из города. Я знаю, правда моя мать говорит, что я много уделяю этому времени, и сначала научилась бы манерам, – продолжает девушка, пока я перевожу дыхание.

– А она права, – запыхавшись произнес я, и она кинула на меня угрожающий взгляд.

– Я и не ожидала услышать ничего другого от тебя, – сказала она высокомерно, когда перегнала меня на коне.

– Не думал, что тебя можно задеть, – крикнул я ей в след, но все же пытаюсь догнать, чтобы увидеть ее раздраженное милое лицо, со вздернутым кончиком носа; что доставило бы мне удовольствие, кажись оно еще наглее.

– Ты не сможешь меня задеть, – усмехнулась она.

Долгое время мы молчали, любовались видом бескрайних полей и лесов, чьи границы растворялись в наших глазах. Холмы, в гору которых мы поднимались, и будто бы заново встречали солнце. Переходили через ручьи, наслаждаясь мимолетной влагой. Все переливалось, из одной окраски в другую, нас ослепляли солнечные лучи, исходявшие от зенитного солнца.

Она так красиво смотрелась... Казалась мне лесной нимфой, а я чувствовал себя одуроченным влюбленным. Влюбленным? Нет, я не был влюблен, и эту мысль я гнал как можно дальше, так как в дальнейшие планы не могло входить ничего лишнего. Тем более как можно было подумать о влюбленности направленной на девушку, с которой разговоры держатся на пререканиях?

Как бы не стремился я к богатству, в душе моей было отвержение. Справедливость на стороне людей высшего общества, даже если закон говорит об обратном. А нам – людям простым, приходилось всегда плыть по течению, пока не разобьемся об какого-нибудь графа, ну или кого ниже; решение которого будет на место нашей гнилой крыши над головой, поставить там что-то более значимое. Ведь значимость и ценность для общественности, как и справедливость – держатся на количестве денег и амбиций мужчин.

– Тут недалеко от озера Фаины. Лошадям нужно передохнуть, – спустя столько времени сказал я.

Девушка кивнула и направилась, следуя за мной.

Мы доехали до озера и наконец встали на свои ноги. Я отвел лошадей в удобное для них место, а Грейс уже успела скрыться за деревьями, окружающими это место.

«Это не легенда, а правдивая история» – как нам рассказывали местные старики, прожившие тут достаточно, чтобы писать сборник рассказов, происходящих в Озерных краях. Раньше это было болото, но, а когда Фаина – местная дурочка, утопилась из-за неразделенной любви, и около тела девушки образовались цветки, а вода очистилась до кристального цвета, водоем, этот, признали святым, как и саму Фаину.

Но есть и люди, которые полностью отрицают эту версию про очищение воды, утверждая, что она всегда была чиста из-за большого количества кремня, и тело девочки лишь повод привлечения проезжих, кои могли бы вложиться в нашу деревню; хотя на каких основаниях, никто не говорил. Вторая версия казалась намного обоснованней.

Времени прошло очень много, к счастью, поэтому люди стали более трезво воспринимать такие повествования и не принимать их за чистую монету. Однако, если так подумать, то и был плюс. Можно похвастаться, что и у нас в деревушке есть достопримечательность, хоть и единственная.

– Мне жаль ее, – облокотившись на большой камень, заявила она. – Хотя, чему расстраиваться? Выбор уже сделан, – поменяв мнение, продолжила она. – А ты что думаешь?

– Я? Даже не знаю, если честно. Это было давно, да и информация не достоверна. Я никогда не воспринимал это всерьез, – честно отвечаю я.

– Сделав большую ошибку, она наверняка не думала о последствиях. После случившегося, родители девушки устроили публичный скандал; невеста его бросила, а родители, которые думали всю жизнь о том, чтобы поскорее сплавить своего избалованного сынка, так и сделали, отказались от него, под предлогом позора, что принес он в знатные дома, на обсуждения их знакомым за бокалом спиртного. Сочувствие подкреплялось лицемерием. Парень кинул ее из-за маленького преданного, что как ему казалось, оскорбляло его. Родители Фаины переехали в вашу деревню под старость лет, дабы быть поближе к дочке, упокоившейся здесь. Только вот, могу заверить, что это был ход для привлечения богачей для покупки земель, и ее родителей тут никогда не было, – улыбнулась она, зная, что удивила меня сполна.

– Я восхищен.

– Я наводила справки, и интересовалась местной историей. Скучно, но не без утопленников, – кивнула она в сторону озера, сложив руки.

После истории про девушку, чье имя стало названием теперь уже известного озера, (к сожалению, благодаря ее кончине) стало темой, что еще на один шаг сблизила нас со златовласой нимфой. И хоть все можно было сделать проще, я искал наслаждение в том, что отдаленные люди могут найти друг в друге нить схожести мыслей. В простых, обычных разговорах.

Мы взяли коней, собрались с мыслями, и отправились обратно, провожая садящиеся, оранжевые лучи солнца. Добравшись до конюшни, мы покормили коней, параллельно обсуждая мелочи, что нам нравились в сегодняшнем дне, и даже как-то, я уловил молчаливое, но видное согласие на то, чтобы повторить этот чудный день. Выйдя из сарая, глупо помахав лоша-

дям, мы предстали перед дальней дорогой через поле раскачивающихся колосьев, в которых мы встретились с утра. Уже наступила темень в стороне домов куда нам предстояло добраться.

На этот раз, возможно переборов себя, она разрешила взять мне ее руку, чтобы не потерять равновесие. Это было первое касание. Большим пальцем я почувствовал ее выпирающую косточку на руке, что держал я так нежно, побоявшись схватить слишком сильно или, даже сломать. Проводив ее до одного из поворотов, она отказалась идти со мной дальше, сказав, что, если того будет нужно, мы найдемся друг для друга, и без знания местонахождения можно обойтись.

– До встречи, Джеймс. – с язвительной улыбкой попрощалась Грейс, протянув руку для рукопожатия, наверняка делая вид, что не ждет новой встречи вновь.

Она оказалась молода, красива, но не наивна.

Глава 5

Мы так и не встретились. Ни через день, ни через несколько дней. Смотря в потолок своей занавешенной темной комнаты, уже не один вечер проскакивала у меня фантазия о том, как эта девушка лежала на моем плече, так же уставившись наверх, и, думая о чем-то неземном, перебирала мои волосы. «Я просто устал после рабочего дня» – убеждал я себя до того, как мысли о ней не стали преследовать меня и в другое время суток, заполняя мое сознание отрывками неосознанных мечтаний о наших будущих прогулках.

Но была проблема. Грейс была мне не нужна. Я четко понимал, что мне всего лишь нужна теплота, исходящая от ее поддавшегося тела, и те, сантиметры бледной кожи, что покрывались бы мурашками при бархатном, дразнящем прикосновении. Мой неутолимый, на первый взгляд, интерес испарился бы на утро.

Идея эта была глупая, и чтобы доказать себе свою разумность, я, тяжело встав с кровати, накинул рубашку и пошел по стемневшей улице на звуки шума, завывающей молодежи, что проводила этот вечер веселясь, танцуя, выпивая и знакомясь.

Пройдя все тихие, спящие дома, смешанные голоса становились все громче, будто зовя меня к себе, предлагали потеряться в шумной компании, раствориться в чужих словах, забыться в алкоголе и девушках. Именно «этот» момент я называл разумностью.

Какая-то незнакомка будет повседневно и не контролируемо торчать в моей голове? Нет.

Забыв об одиночестве, в окружении людей, которых я почти не знаю, в моих руках слишком быстро оказалась бутылка, и так же быстро она успела опустеть. Смеющиеся и поющие люди повсюду. Они счастливы, наверно. Я бы так хотел испытать это чувство этим вечером, и возможно был бы близок к этому, если бы неизвестно откуда появившейся Гейб не спугнул ту девицу, что уже расстегивала третью пуговицу на моей старой мятой рубашке. Не сказать, что я был очень расстроен, ведь даже ее лицо я не особо-то четко видел в темноте; однако часть меня все же почувствовала печаль, а затем яростный порыв гнева, который оставалось обрушить только на друга.

– Что ты творишь?! Тебе заняться нечем? – толкнул я его в грудь.

– Не злись, у меня к тебе дело! Твои девушки могут и подождать. Хотя я думаю, что поговорим мы завтра. Ты не в состоянии.

– Я слушаю, – успокоившись и собравшись, ответил я.

– Я нашел охранника. Зовут Александр, – тихо сказал Гейб, – и походу он подкупной, иначе бы так легко не согласился нас впустить. Он даже денег не попросил. Возможно это и странно, однако у нас все может получиться, пока все обстоятельства идут как надо.

– Это радует, – со стеклянными глазами сказал я. Хотя это действительно было хорошей новостью и имело весомое значение.

– Я думаю, мы лучше и правда поговорим завтра. Ты дойдешь до дома? – положив мне на плечо ладонь, спросил Гейб.

– Разумеется.

После доверительного кивка и ухода Гейба я направился в малознакомую мне компанию, где встретил одного бывшего одноклассника, с которым пожал руки и молча уселся около разведенного костра. Начав пить вторую бутылку чьего-то бурбона, я увидел знакомые черты. Идя сюда, я совсем позабыл, что дал слово сводить и Оливию, которая присутствовала здесь одна, значительно больше меня, не слушая моих предостережений.

Я встал, и шатающейся походкой, дойдя почти в притык до сестры, я выбросил бутылку и окликнул ее. Ее испуганный взгляд был мне неприятен. Я не хотел, чтобы она боялась меня,

хоть на секунду, но сейчас всем своим видом, я показывал, что иду к ней злясь. Возможно на то, что она здесь, что было правдой, ну или на то, что она вытворила неделю назад.

– Здравствуй, – тихо произнес я.

Рядом стоящие барышни оставили ее.

– Привет, – легонько улыбнулась она, совсем не злясь.

При виде ее, и моя злость отступила, оставив лишь сожаление, что породила моя грубость: еле заметный при свете огня, синяк, что виднелся из-за длинного рукава.

– Извини, – трусливо бросил я, и быстрым шагом ушел в другую сторону, когда она не успела ничего сказать, но в спешке пошла за мной.

– Ты не останешься?

– Нет, – обернулся я.

– Ты знаешь, что я люблю тебя, не так ли? – резко спросила Оливия, нервно дергая краешком губ.

– Я не хотел бы это знать, – честно отвечаю я, смотря, как она поджимает губы из-за причиненной мной новой обиды.

Позабыв волнующее чувство, я смутно дошел до дома и внезапно потерял связь с реальностью. А было ли это?

Я действительно произнес такую неизменную, финальную фразу?

Глава 6

Прошло пару незначительных,
Лишенных смысла дней.

Я побежал, ни перед кем не отчитываясь, что всегда доставляло мне большое удовольствие: сохранять о себе мнение независимого и не слушающего никого человека. Через поле, через утреннее, уже взошедшее, солнце. Каждый проведенный с ней день прожигал мою память, когда я прокручивал все ее случайные касания, разговоры, вопросы, ее поведение, ее глаза.

Добежав до конюшни, где она уже ждала меня, мы взяли коней; в момент, когда она разрешила помочь мне посадить ее на коня, я искал в ней любой недостаток, лишь бы только откинуть глупые мысли.

Пусть может я даже найду родинку на ее теле, которую она будет тщательно от меня скрывать, и в ответ лишь скажет, что она ужасна. А я буду так же восхищаться ее нелепому стеснению, хотя до этого, мысленно и намеренно буду искать самый отвратительный изъян.

Однако, будь такое на самом деле, эта ситуация сошла бы за фантастику или не произошла бы вовсе... Ведь Грейс никогда бы не посмела сказать, что в ней есть что-то, что повредило бы ее грациозность. У этой девушки была удивительная возможность, превращать то, что считают минусом, в нечто большее, чем прекрасное. Она горда настолько, что споры с ней не просто заканчивались моим поражением, но и поражением всех моих принципов, что делало меня невероятно слабым в своих глазах.

«В будущем мы будем так же высмеивать светскую жизнь, к которой я так лицемерно стремлюсь. Я буду рассказывать ей смешные истории о нелепых случаях у себя за чаепитием, что случились в ее отсутствие. Жить мы будем где-нибудь в огромном доме, к которому ей наверняка не привыкать... и устраивать встречи по выходным с будущими друзьями. В гостиной стояло бы пианино, на котором я бы умел безупречно играть, а на стенах висели бы картины, что отображали всю истину искусства. И будем вспоминать, как жили здесь и ходили по свободным вечерам на деревенские праздники» – надолго забивалось в мою голову, перед тем как я начинал злиться на все.

На себя, на нее, и на то, почему мы опять встретились? Ведь после одного вечера в дурмане я почти не думал о ней. После той ночи у костра, я ни с кем не виделся, не выходил из дома и продолжал пить, лишь бы не чувствовать, то трепещущее чувство в груди, что слишком быстро превращалось в камень, тянущий все больше меня на дно следующий бутылки.

Меня преследовала навязчивая мысль о том, чтобы узнавать больше и больше о Грейс. Меня удивляло ее остроумие и временами вспыльчивый нрав. Она не позволяла никому бесправно лезть ей в душу, но сама того не замечая, раз и навсегда поселилась в моей.

– Мы так и будем сидеть на этой крыше?

– Тебе не нравится? – спросил я ее.

– Нравится. Тут спокойно, и я первый раз провожаю закат на крыше разваливающейся конюшни с парнем не в костюме, – холодно смотря вдаль, без доли шутки сказала она.

– Не хочешь сыграть в одну игру?

– Джеймс, ты серьезно?

– Ты загадываешь предложение и произносишь первые буквы слов, в нем. А я попытаюсь отгадать, – объясняю я правила игры своего детства.

– Хорошо, – обдумала она. – «П»... «У»... «Д»...

– М... – промычал я, забыв, как это сложно на самом деле.

И после недолгих ошибочных ответов, она резко произнесла:

– Пошли уже домой!

– Грейс, мы не уйдем, пока я не отгадаю предложение, – сосредоточенный на игре, сказал я, на что она звонко рассмеялась.

Я понял почему, только когда был уже дома.

Посмотрев на недопитую бутылку, стоящую у изголовья кровати, я убрал ее как можно дальше. Но, пролежав без сна часа три, я поспешно вернул ее на место, поддавшись порыву ярости. И принял твердое решение, что быстро забылось в крепком, растворяющем ночном сне.

Глава 7

Дойдя в ночи до здания, мы с Гейбом положили пустые сумки на землю и начали, аккуратно, друг за другом, перелезать через ограждение. Разнесся небольшой скрип, который чуть не остановил мое сердце от звериного испуга. Наш план мог закончиться на чертовых скрипучих воротах, что вели ко входу здания, которое мы хотели ограбить с великим внутренним энтузиазмом и жалким кроличьим страхом. Но все мимолетно стихло.

На великую странность здесь не было будто бы ни единой души, и мы, пряча дрожь в ногах, продолжили спускаться на чужую землю. Техника и точность действий, отработанный план и не суетливость способствовали этой ночи. Подготовка у нас была проста, но действенна. У каждого была задача, что с большой тяжестью и невообразимым давлением стягивала виски.

На Гейбе был самый проворливый и тончайший маневр, который мог отвечать за любой успех в нашей неблагочестивой работе, если бы ранее мы могли бы столкнуться с работой взлома сейфа. Вся нашу «разбойническую» жизнь, именно он занимался взламыванием всякого рода замков. Конечно, механизм сейфа намного сложнее, чем дверная защелка, но Гейб и не с такими трудностями сталкивался.

За счет его умения сокрушать устаревшие и крепко засевшие в нем рамки знаний, которые для человеческого существа порой несут угнетение таким идеям как совершенствование, переосмысление и полное уничтожение, своего рода, начала новой мысли, что пугает людей, но и одновременно открывает новые горизонты развития. Именно это умение позволяет мне без серьезных раздумий довериться этому человеку и не ставить его спонтанную смену действий под сомнения, ставя на кон принадлежащие нам утопические все деньги мира, безграничную свободу мыслей и действий, а в окончании и мою жизнь.

На моей же доле были планировка здания, и изучение охранной системы. Если же план здания было добыть относительно просто, то с охраной не все так легко. Мне пришлось изучить план обходов и смены каждого. Изучить так досконально, что, если я вскрикну с жаром среди ночи, в бреду, я бы смог изложить: «Кто?», «Где?» и «Во сколько?». А также изучить, где при случае опасности, мы сможем потеряться во взоре патрулирующих.

Мы крадучись двинулись к двери. Уже подходя, Гейб начал было доставать отмычки, как я заметил, с сильным недоверием, что дверь не заперта. Мы оба озадаченно замерли и переглянулись. Даже учитывая нашу везучесть, при проработке плана, это было подозрительно на уровне чувства медленно поднимающейся паники, что начала туманить наш разум и полное сознание. И все же, колебаться времени не было, мы двигались дальше в тени наших бегущих вперед амбиций и призрачного величия.

Войдя, я быстро сориентировался, и мы сразу направились к лестнице, на третий этаж, где был кабинет, символизировавший в какой-то степени точку кульминации всего происходящего в нашей жизни с Гейбом. Я не знаю, как он ощущает это в данный момент, но я же, прекрасно осознаю всю значимость и сокрытые смыслы в вещах и предметах, несущих для меня предпосылки нового начала.

Порой отец слишком часто напоминал мне о моей впечатлительности, однако, замечал, что из всех моих слабохарактерных качеств именно это помогало мне оставаться человечным, на сколько это было возможным в его понимании. Переступая через гордость и признание к нему и себе, я соглашался, не произнося ни слова. Слишком часто мое молчание означало борьбу и соглашение.

И проходя поворот за поворотом, рассматривая кабинеты сотрудников, мы шли дальше к главной цели.

– Стой! – прошептал Гейб, останавливая меня. – Там кто-то есть...

Дыхание перехватило. Я начал судорожно думать и смотреть на часы. Где я ошибся?! Никого не должно быть на этой стороне еще минут пять. Нужно срочно вспоминать кто из постовых сейчас может обходить левое крыло. И как назло ближайшее укрытие совсем не близко!

– Придется сворачивать... – сказал я, немного повысив голос.

– Тихо. – нервно прошептал Гейб.

– Эй! Кто там? – раздался недалеко молодой мужской голос.

Это конец. Шаги все ближе. Свет от фонаря проскальзывает по нашим ногам. Гейб готов замахнуться. Раз... два...

– А... это вы. – произносит парень в форме.

Мы замерли в растерянности. Гейб медленно опустил руку.

– Будьте тише, пару человек уже слышали вас. Сейчас они не в сознании, но, когда придут, будут бить тревогу. Поэтому нам нужно будет уйти до этого.

– Да ты кто вообще такой?! – спросил я незнакомца, который был с нами заодно, по невообразимой причине.

– Очень смешно. Мы работаем на одного и того же человека, поэтому живо идите и выполняйте свою работу!

Мы с Гейбом двинулись в сторону, в которую указал нам парень, что похож больше на видение, нежели на человека, неизвестно откуда появившегося и одной фразой убившего все наше понимание происходящего. Он был вестником, но нам было не понять его, этот вестник был предназначен не для нас.

Был страх, что это ловушка. Но времени и вправду не было, даже правильно оценить настоящие риски настоящего времени. Тем более мы знали, что именно там был центральный кабинет главного предпринимателя производственной компании; нам ничего не оставалось. Идти уже было некуда.

– Это тот охранник, про которого я рассказывал. – прошептал Гейб, доставая отмычки и выворачивая замок высокой, оббитой черным материалом, двери.

– Как такое могло произойти, что прошерстив всю информацию об охране я ничего не видел о нем? И с какой стати он помогает? С ним придется делить сумму? – забрасываю я Гейба, даже не половиной вопросов, что меня волновали.

– Если бы ты меньше пил, то возможно запомнил бы то, что я рассказывал тебе. Я удивлен, что хоть сюда ты пришел трезвым. И он не требовал денег. Я вообще без понятия о ком он говорил, когда имел в виду, что мы работаем на одного человека. В любом случае нам на руку, что он так думает. Без его помощи мы бы облажались. Пока все будут искать воров в городе, мы должны будем не высовываться и сидеть в своей провинции, до тех пор, как все не утихнет.

– Открылась! – облегченно сказал я, смотря, как Гейб отворяет долгожданный кабинет.

Заходя в него, мы тщательно огляделись и сообразили где должен быть сейф. Посередине стоял деревянный, глянцевый стол, а на нем кипа бумаг. Стеллаж с классической литературой, который я обошел за то время, пока мой друг, бранясь, пытался сломать механизм. Я провел рукой по томам книг Чарльза Диккенса и пошел в сторону окна, через которое пробивались тусклые лучи лунного света, что были нашим освещением, помимо двух ламп, чей свет был ужасно неприятен для глаз, привыкших к мраку.

Сквозь гробовую тишину пробились шум и звуки цоканья полицейских кэбов, что говорили о проникновении. Время вышло.

– Гейб, быстрее!! – повышал я голос, слыша шум.

– Почти все. Все! Все! Есть! – начал складывать он все большие купюры во взятые пустые сумки, когда я стоял на страже, прихватив с собой только маленький карманный нож, надеясь, что и он не понадобится мне.

– Пошли! – крикнул я, но Гейб засмотрелся на что-то стоящее на столе, похожее на деревянную рамку.

Быстро возвратившись в реальность, он двинулся с места, и мы побежали дальше по коридору.

– Нам нужно найти один из запасных выходов. – нервничая сказал Гейб.

– В ту сторону! – поспешно прошептав, я потянул Гейба за собой.

Шум разговоров и брыканье лошадей усиливались. Слышалась беготня людей, и их крики с обращением друг к другу, с указаниями куда направляться.

Добежав до ворот, мы в панике дернули замок, что оказался тщетно закрытым. Конечно, он закрыт. Другого варианта и быть не могло, но поспешность все же затуманила нам разум. Перебросив тяжелую сумку, мы начали перелезть сами.

За нашими спинами послышался выстрел. В тот самый момент я посмотрел на Гейба и молился, чтоб не видеть, как его глаза закатываются назад... но он все так же крепко держался за железный забор, и с таким же испугом смотрел на меня. Мы поняли, что все миновало.

Прошло несколько часов, страх от звука выстрела больше не заставлял содрогаться. В дали виднелись знакомые дома, над которыми рассветало небо. Всем своим телом я чувствовал утренний холод и сырую одежду, а плечо оттягивала тяжесть нашего успеха. Пару раз, молча, мы кинули понимающий взгляд друг на друга. Наверняка Гейб, как и я, думал о том, выжил ли тот паренек, что оказал нам такую услугу.

Идя на место, что называю я своим домом, после тяжелой ночи, я вспоминаю о маме. Эта женщина была не только прекрасной хранительницей очага. Ее образование и обучение происходили (когда такова возможность была) в детстве. Моя гордость была в том, что она получала образование в городе, где мать ее, бабушка, с которой нас к счастью так и не свела судьба, удачно вышла замуж за довольно успешного человека.

Однако мужчина не представлял собой человека, чувствующего жалость, сожаление, или же уважение к женщине. Он представлял собой мужчину, не подвластного любви и другим похожим жалким чувствам, как ему казалось. Чувство любви у него привилось лишь к рукоприкладству в сторону жены и ко вкусу, только что приготовленных свиных ребер от кухарки-любовницы.

Все же вдобавок, ненависть к жене подпитывала шестилетняя внебрачная дочь, что ему была противна. Вот однажды, сама мать привезла ее в наш родной дом. И с чистой совестью оставила дочь у своей давней знакомой. Время шло, мужчина так же одаривал жену синяками и ссадинами, что показало: дело было совсем не ребенке, а в отсутствии человечности.

После, несколько раз приезжала она, но так и не дождавшись прощения и нежности от брошенной дочки, не возвратилась.

Моя мать всегда со смехом рассказывала историю своего детства, не держа зла, ни на мать, ни на того мужчину, имя которого забыла через четыре года после окончательного разрыва с матерью.

Моего отца она встретила так же, как я встретил Оливию. Дети, молодежь, соседский дом... Как стало известно о беременности, она сразу перебралась в его маленький дом, где он давно жил самостоятельно.

Потеряв рано, обедневших городских родителей от чахотки, еще в начале 1916-го года, отец много кочевал. Все детство он был воспитанником детской фермы, за которую платила его бабушка, пока не скончалась. Моего отца – Томаса Уоллера, хотели сделать воспитанником церкви, однако ж, он сбежал, не прожив там и трех дней.

Оказавшись в Кесвике, он отдавал всего себя подработке в доме у пожилого мужчины, пока этот дом не стал нашим. Как так вышло? Отец держит это для меня в неведении, именно тогда я понял, что в грехи чужого лезть не надобно.

За то время, когда матушка пробыла в городе, начиная с шестилетнего возраста, она самостоятельно продолжала изучать чтение и основную грамматику. Только вот, семейная жизнь подбила ноги умной женщины. Мои родители никогда не рождались там, где родился я, хоть был и не должен, по своему предназначению.

Так вот, к чему эти размышления... а стоит ли того красивая жизнь, если она будет заменой, красоты родного дома, напоминающего мне о моей матери?

Глава 8

Мы сидели на тайном, родном мне озере. Где поблескивали листья, от утренней росы. Это утро представляло себя солнечным, но с заметной влажностью. Мы сели у берега, на скопление травы в одной месте. Естественно, она посмотрела есть ли там грязь, которая могла попортить ей платье; не роскошное, обыкновенное, но совершенно редкое для этих краев. Как бы это дама не пыталась влиться с фермерским народом, но изящные черты лица, тонкие пальцы, аккуратный нос и даже аккуратно растрепанные волны ее волос выдавали ее корни.

– Как ты сумел найти меня? Я не верю в такую глупую случайность, не стоит убеждать меня в этом, – сказала Грейс, подставив лицо под солнце, не задумываясь сколько часов я простоял на тропе, на которой мы попрощались в прошлый раз.

– Это была действительно глупая случайность. К счастью я решил собрать ромашек под утро... знаешь, настроение было какое-то весьма... лучезарное, – посмотрел я на букет ромашек, что вправду собрал я с особой внимательностью и избирательностью, никогда ранее не делав этого.

– Лучезарное настроение? – захохотала Грейс. – Ты видно читаешь?

– Когда есть время – да.

– Расскажи, что ты любишь делать в свободное время, если на то, уж пошло.

Я улыбнулся и опустил глаза. Перебирая камень из одной руки в другую, что стало быть моей привычкой. А она приподняла бровь, чуть толкнув плечом.

– Ну... я ухаживаю за лошадьми, помогаю разводить кур другу, бегаю от отца, и ищу встречи с тобой, – усмехнулся я с досадой, так как это было чистой правдой, что меня не устраивала. – И бывает, что читаю.

– Какое сочетание! – откинула она руки назад, не боясь испачкать ладони. – А зачем бегаешь от отца?

– Скорей не бегаю, а просто избегаю всяческих бесед с ним.

– Если ты не собираешься рассказывать, то и не нужно. Однако, я не люблю незаконченные темы, – нравственно ответила Грейс.

– Мой отец простой фермер, но в его жизни есть страсть. Такая, какая обычному другому человеку может и не встретиться. Металл с юношества являлся его деятельностью, как говорили родственники. Он хотел быть кузнецом, но что-то не сложилось. И я, даже не знал первое время, можно ли осуждать его за то, что последовало за этой страстью. Он обожает свое дело по сей день. Он очень много работал в мое детство. Разумеется, внимания он никому не уделял. Но дело было не в том, что основной работы было настолько много, или что были долги за дом, из-за чего он не мог хотя бы поднять глаза на нас с матерью. Он просто не хотел. Моя мать терпела равнодушие, которое нес на себе и я. Она любила его тихо и верно. Ну, а он любил железо. Его характер удивлял меня и поражал. Так же как поражала любовь моей матери к этому опустевшему холодному человеку. Их брак совершенно не укладывался в голове у любого нормального человека, прежде всего любящего себя.

Я присаживаюсь к ней ближе. Не приостанавливая рассказ, что впервые в таких подробностях я решил повествовать именно ей.

– И как-то раз, после очередной ссоры, хотя и ссорой это назвать было нельзя. Ведь отец сидел, и продолжал молча работать над новым медным изделием. Мать хотела объяснений. Любой бы человек, и любая женщина потребовали бы объяснений: чем она заслуживает такого отношения? Все что накопилось за годы, вырвалось потоком из ее рта в один миг. Разочарование. Она выбежала из дома, и бежала в ночной темноте до самой конечной. Ее нашли на утро следующего дня, неподалеку. Видимо напоролась на что-то.

– Стой, и твой отец не пошел ее искать? Что значит напоролась?

Почувствовал я как все так же трудно произносить те же слова.

– Она умерла. Но знаешь, что отец сделал, когда к нам пришли соседи? То же, что и после погребения. Он встал и просто пошел работать дальше. Тогда он забыл, что у него есть ребенок. А я жду, когда смогу забыть о том, что у меня есть отец.

Она смотрела внимательно своими большими глазами. Резко на меня накатило чувство стыда за сказанные вслух слова, что могли напугать ее моим злопамятством и крепкой детской обидной, что так сильно отобразилась на мне.

– Я бы поступила так же.

– Что? – подумал я, что мне послышалось.

– А что ты хотел услышать? Что ты должен его простить? Ни за что. Он даже не поддержал тебя, Джеймс; не считая того факта, что это произошло из-за него. Сколько тебе было, когда ты потерял мать? – с твердостью в голосе спрашивает она, не боясь говорить на эту тему.

– Примерно одиннадцать.

Над нами повисла грустная пауза.

– Ты же знаешь, что мне жаль? – спрашивает Грейс, хотя в этом я и не сомневался.

– Я знаю, и все хорошо. Это было давно.

– Когда люди говорят, что им жаль. Не всегда это правда, ты ведь знаешь об этом? – аккуратно, медля говорит она.

Я, соглашаясь, киваю головой.

– Так вот, можешь верить мне.

После моих глупых поверхностных вопросов, смеясь и отвечая мне, мы пережили неловкость с моим рассказом о детстве. Но с каждым «нелепым» вопросом, мы пошагово изучали душу друг друга.

– И так. Расскажи мне, что любишь ты? – предложил я.

– Еще один, наиглупейший вопрос. И что я, по-твоему, должна ответить! – недовольно возразила девушка.

– Давай! И это совершенно неглупый вопрос, – стал убеждать ее я.

– Я... я люблю лошадей, поэтому нашу встречу можно считать не такой бессмысленной.

– Ты считала нашу встречу бессмысленной?! Тогда тебе легче украсть коня с моей конюшни, чем назначать для этого встречи! Ты однозначно разбила мне сердце! – на эти слова у нее будто виновато опустился взгляд, но изогнутая улыбка говорила об обратном.

– Вспоминай дальше, – попросил я, остановив взор на маленькой, но выразительной родинке на ее шее, оголенной от светлых волос.

– Но я же уже ответила!

Она снова толкает меня, но я ничуть не отшатываюсь.

– Хорошо. Я люблю...

Я смотрю, как она сосредотачивается на этом вопросе. Безумно нравится улавливать как она задумывается.

– Я люблю моросящий дождь, хотя у многих он вызывает неприязнь. Люблю сестру, что так же сильно любила меня в детстве. И люблю ее волосы. Люблю бабушку с ее чаем и рассказами о безбашенной молодости, о тех рамках через которые она смогла пройти сквозь время, и о тех нарушениях, что до сих пор делают ее счастливой. Люблю отца и его доброту к самым плохим, неблагодарным, но близким людям. Я люблю тех же лошадей, которые смотрят в глаза хозяина и сразу же остаются другом до конца своей жизни. Люблю, когда люди умеют терпко любить, но не показывают слабость. За ужином с противными мне людьми я любила лишь живую музыку. Люблю так же многочисленные взгляды разных людей, что присущи только им. И когда человек запоминал мои слова на столько, что, пройдя долгое время напоминал мне их, когда я сама не помнила эту проскользнувшую повседневную мелочь. Еще я люблю...

«Я люблю тебя, Грейс, и все то, что так страстно любишь ты» – мгновенно проскользнуло в моей голове, когда я успел некрасиво прервать ее своими губами. Не думаю, что она сочла это за грубость, ведь она тут же ответила согласием. Чутким, но огненным согласием.

В этот момент, для меня прошла самая настоящая проверка: это девушка или уже подстреленная лань? Такой вопрос возникал у меня с каждой дамой, но тут он отпал сам. Это меня взбудоражило.

Я ни чувствовал ничего кроме этой нежности между нами и ее свисающих волос, что щекотали мою щеку. Мысли плелись от столь желанного мной момента, который растянул бы я на целую вечность, чтобы дожидаться, когда мне это надоест; и я вернусь на круги своя. Однако сейчас мне показалось это очень далеким, и только нехватка воздуха могла меня оторвать от нее.

– Я тоже люблю читать, – жадно вдохнув воздух, сказала Грейс, проведя кистью руки по моей отросшей щетине.

Глава 9

Поднялась тревога. Такая, какую еще не переживали наши деревни; информация распространилась моментально. К счастью обыски не проходили в таких захолустьях как наши, но все наши жители были не менее взволнованны, чем те, что в городе. Порой мне даже казалось, что больше. Городские люди, по рассказам Грейс мало, когда воспринимают чужие беды всерьез.

Грейс... я не видел ее больше пяти дней, встречи с ней прекратились сразу после нашего поцелуя, который, казалось бы, должен был быть многообещающим. Временами меня снова окутывал гнев на не уходящую тягу к ней.

Украденные деньги я доверил Гейбу и перестал о них вспоминать. Как странно, что я не почувствовал того удовлетворения, что должно было последовать за той значимой ночи, после которой мои сны были о лежащем, кровавом теле того парня, что возможно никогда не вернулся домой.

Эти сновидения менялись на сновидения с Грейс, что спала со мной в одной постели. Почему-то такой холодной, но родной постели, что делили мы который год. Она бы была такой же, как и сейчас, прелестной и неукротимой, но мягче... Глаза бы твердили о признаниях, а руки о тех клятвах, что произнесем мы в жаркие дни, однажды. Однако... Грейс пропала, и оставшись в одиночестве, я коротал дни выпивкой. Оно заглушило пустоту в эти вечера.

К вечеру, в дверь дома постучали. И я увидел ее. Увидел те большие глаза, чью голубую радужку окутала краснота и застилала влага. Сама она была бледна и блекла. Прошептав, известие о смерти своего отца, она зашла ко мне в дом, откуда не выходила пару дней.

Глава 10

Времени прошло достаточно, чтобы научиться держать в себе самую истинную и неподвластную скорбь. Этот период всегда мрачен и вызывает сильнейшее отвращение в нашей жизни. Любой человек бы согласился с тем, что «скорбь» самое безвыходное и угнетающее чувство, что может подавить лишь время.

Когда я потерял мать, время шло протяжно, будто бы медленным течением реки, неся меня к обрыву, жизнь делала новый круг, и снова, и снова, не торопясь, приближала меня к концу.

Осознание того, что Грейс проходит сейчас то же самое, сильно огорчало меня и приносило столько же боли, сколько на первый взгляд и ей. Мои чувства к ней уже не было смысла прятать. С каждым днем я все больше убеждался, что как раз-таки эти чувства и были ее утешением в той непроглядной тьме, что окутывала каждого человека с утратой близкого. Счастье, что я испытывал при осознании нужности (хоть и не в таких благополучных обстоятельствах) было пределом мечтаний, что посещали меня каждый вечер, как случилась наша вторая встреча.

За то время, что она была со мной, Грейс плакала всего дважды: когда стояла на пороге дома, и когда нашла под моей кроватью бутылку виски, что опустошила уже к тому времени, как я пришел после заката. Меня это ничуть не смутило. Мое превосходное мнение и очарование ею, способствовало такой высшей способности, как закрывать глаза на все, что могло смутить другого, и просто принять это данным.

Но после этого, нам все же пришлось поговорить на одну тему, после которой спиртного в доме больше не было.

Ее гордыня мешала мне позаботиться о ней. Но лишь тем вечером, тем единственным, уже холодающим вечером, я переступил через все возможное в своей жизни. Поливая из ковша ее продрогшие, исхудавшие плечи, я смотрел на ее темнеющие волосы от струйки воды, и разговаривал что-то, что мог бы сказать только человек, чувствующий любовь... такую необоснованную временем, разрушительную, но и окрыляющую до безумия во всех ее проявлениях.

Она пыталась сказать мне что-то, но из этого выходил лишь пьяный еле слышный шепот. А потом и вовсе я пытался сделать все, чтобы она не засыпала, когда я окутывал ее полотенцем. Больше мы об этом не разговаривали.

Прошла неделя. Мы проводили вечера и ночи вместе, наслаждаясь той близостью, что давала нам намного больше, чем могли мы получить, будь бы мы порознь, иль вовсе не встречались. Без лишних деликатностей мы приняли решение, что пока что она будет жить у нас с отцом. Решение это далось ей с трудом, но через какое-то незначительное время она все же согласилась.

Спустя первые два дня она спокойно уже выходила из моей комнаты, а позже, вовсе нашла увлекательным беседовать с моим отцом. Прекрасно зная ситуацию, она никогда не ставила меня в положение, которое возмущало бы меня хоть немного.

Отец мой был вовсе не против появления женского лица в доме, иногда мне даже казалось, что он хочет, чтобы она осталась с нами навсегда. Он был любезен с Грейс, разговорчив, и я бы сказал, что за эти дни он, даже полюбил ее, нежели одобрил. Его забавляло, когда она спорила со мной на бытовую мелочь; в его глазах появлялся огонек, когда Грейс проявляла остроумность и веселый нрав, даже когда сама еле держалась на ногах.

За время моего отсутствия дома, она перечитала всю домашнюю библиотеку и пересказала краткое описание старику за медной работой. Я не считал даже нужным разговаривать с

этим человеком, но слова «против» никогда бы не произнес. Ведь мне было даже не описать какую благодарность я испытывал, когда ощущал ее присутствие рядом, хотя ей, может быть, и казалось это мелочью.

Время шло, а я все набирался смелости спросить: «Что все же случилось?» Мы обсуждали наше детство, боясь подойти к будущему. Обсуждали темы, что заставляли ее на секунды улыбаться, но мимолетная радость быстро сливалась с тишиной и напоминала ей о потере. Пройдя четыре дня, она сама начала столь щепетильную тему.

Отца ее нашли повешенным в своем кабинете, без записки и без малейшего объяснения. Следствие объявило, что произошедшее было основано на слабой выдержке трудностей, что плотно связаны с работой. Грейс утверждала твердо... уверенно и несомненно, что отец не был жадным до денег, и не жил своей работой настолько, чтобы совершать импульсивные, необратимые поступки. Мать ее не верит в убеждения, что все может быть иначе.

Я промолчал, но в голове моей мелькнула мысль, как же может мать так холодно относиться к страданиям и словам своего дитя? Она лишь пустила слезу перед следователями и сразу же занялась бумагами о доходах. Остаток дня она твердила про его ужаснейшие качества, особо выделяя эгоизм и бездушие, приговаривая: «Вот, появились трудности с деньгами, и сразу на тот свет. Что за мужчина оставит свою женщину, в его долгах и финансовых проблемах?!»

Грейс же, зная, своего отца, твердила только то, что в петлю он бы не полез. А вот, у влиятельных людей, чужие денежные трудности, вызывали разные выгоды. Для конкурентов в деле ее отца было место радости, как обычно, это бывает. Но в любом бизнесе, за одной шишкой стоят более крупные, кому такой расклад событий совсем не по рукам.

Людям опасным, как описала Грейс. И запуганным шепотом, будто бы нас подслушивают, рассказала, что накануне произошедшего, видела людей, с которыми якобы связывался отец. И о которых она так подозрительно отзывалась. По ее предположению для них могли появиться проблемы с очень уж отсроченной невыплатой долга, связанным с критичным денежным положением ее отца.

Но это всего лишь были предположения, выдуманные истощенной от жизни Грейс, что не могла смириться с суицидом отца. Мог ли, по словам Грейс, добрый человек, связаться с настолько серьезными людьми, что провинность ему стоила бы жизни...? Мог бы, но есть ли смысл копаться в том, что не принесет никакого другого исхода? Я забываю об этом, целую ее соленые мокрые губы.

Этой ночью она плакала третий раз.

Глава 11

Укоризненные взгляды отца, твердили о беспокойстве, и о том позоре, что я мог навлечь на Грейс и ее мать, не сделав предложение девушке, что живет у нас в доме больше недели.

Однажды вечером, взяв ее за руку и предупредив о серьезном разговоре я стал рассказывать о тех переживаниях отца, что вскоре стали преследовать и меня. О тех, неблагочестивых слухах, что могли пойти, и дойти до ее родственников. Я удивился ее равнодушию и холоду в отношении этой ситуации. Грейс объяснила это тем, что если она такового захочет, то больше никогда не увидится с матерью, а тем более с родственниками. И никакие слухи не причинят ей больше неудобств, угнетения, и презрения, что доставляет ей мать в ее обычном настроении каждый Божий день.

Она уверяла меня, что повода для беспокойств нет, и вскоре она съедет к своей бабушке, где была все время до последней поездки в город. Я сказал, что такого от нее не требуется, и искренне рассказал о том чувстве, что посещает меня каждый раз, когда я возвращаюсь домой.

Захожу в комнату, что пропиталась запахом ее дорогих духов и чистоты, который так редко можно ощутить в моей жизни. И как привычны стали ее прикосновения. На что она посмеялась и сказала, что ее прикосновения не так уж и непривычны для такого типа мужчин, как мой. Я пустился в смущение из-за столь точной заметки и переменил тему. Уж что, точно не стоит обсуждать с дамами, так это других дам.

В первые в мою голову пришло объяснение, чем же девушка из города смогла меня так глубоко задеть, и чем смогла переплюнуть девушек с моего края, кроме безупречной внешности и дорогого одеяния. Я уже примечал, что Грейс имела качества девушки настолько гордой, что ни одно неподобающее слово или шутка не проскользнет мимо нее и не останется без острого ответа. Я замечал за ней высокомерие, однако совершенно точно оно никогда не касалось материальных благ и положения в обществе, оно было похоже на мое, что проявлялось с самого детства и до сего часа.

Мое высокомерие крылось в том, чтобы не позволять себе чувствовать любовь к ней, а ее в том, чтобы эту любовь не принимать. Я чувствовал от нее непреодолимую скрытность, и не понятие того, что таит она в своем мире.

С первого дня я узнавал ее лишь понемногу, не спеша... сейчас мне кажется, что именно «недосказанность» и свела нас. Не в одно целое, нет. Во что-то большее, я бы назвал это чувство к ней чем-то возвышенным, но «возвышенное» все же не означает «постоянное». Грейс не знала, что за поступки я совершал, и что за ними следовало. А я не знал кто такая Грейс на самом деле, и что она тут делает, как бы грубо это не звучало.

Я знаю, что она любит читать и одновременно критиковать Шекспира. Я знаю, что она придиричива к музыке и игре на пианино. Она безупречно играет на кларнете, любит картофель и разбирается в садоводстве, но значит ли это, что я знаю ее? Почему из всех прекрасных людей в этом мире она выбрала меня... такого эгоистичного в своей манере, такого нищего, в нравственном плане, человека, что в своей жизни лишь грабил людей и терял время зря.

Возможно ее мнение складывалось обо мне намного лучше, и поэтому мне свезло с тем, чтоб хотя бы заговаривать с ней. Раньше я был самодоволен и напыщен. Совсем недавно я был самолюбив, и гордыня моя, о которой я так часто вспоминаю в последнее время, переходила через рамки дозволенного... а потом я вспомнил кто я.

И впервые мне стало стыдно, хоть до этого момента мне было чуждо это чувства, не считая детства. Я был на столько не достоин ее, на сколько можно только это было выразить всеми эвфемизмами слов «не благородность», «бесчестие» и «безнравственность».

Поэтому я дал себе крепкое и неоспоримое обещание – прекратить недобропорядочные разборки, и быть примерным человеком, и после переезда за границу может я и попытаю счастье с ней. Придумаю сказку о том, где достал деньги, да и увезу ее куда-нибудь подальше от всех злосчастных ей и мне людей.

Этот вечер начинался как обычно. Включенный свет, видный через окна кухни. Значимо остывший воздух на улице, и предвкушение ужина. Я почувствовал немалое изменение моего отношения к отцу. Я смягчился и больше не испытывал припадков агрессии. Перестал быть резок и вовсе перешел с ним на спокойные диалоги. Когда меня что-то вновь выводило из себя, я сдерживался и оставался довольным своим решением и поступком.

Я зашел в дом, и снимая верхнюю одежду, начал высматривать Грейс.

– Кого-то ищешь? – прозвучал ее шутливый голос сзади.

– Разумеется, с нами живет еще одна голубоглазая девушка, – поворачиваясь, говорю я, касаясь холодными руками ее шеи. – Вы, что, еще не знакомы?!

– В таком случае у меня есть один молодой человек, который не прочь вызвать тебя на дуэль, – обволакивает она мои ладони, согревая их от начавшихся осенних похолоданий.

– Дуэли? Не слишком ли дивно?

– Что-то вечно, мистер Джеймс, – нежно провела она по моей щеке теплой ладонью, и сразу отстранилась, когда послышались отдаленные шаги моего отца.

– Мистер Уоллер, пришел Джеймс! – крикнула Грейс.

Он показался, и мы хмуро кивнули друг другу в знак «Доброго вечера».

Прошел ужин. Грейс в это время расхваливала все тоже содержание нашей скромной, домашней библиотеки и делилась впечатлением от прочитанного. За все время, что она была тут безвылазно, она все же оправилась, и стало казаться, что она стала даже энергичнее и задорнее. Она была полна сил, но все же на улицу выходить твердо отказывалась, что выдавало ее неготовность обыденно жить дальше.

Я рассказывал забавные истории, что произошли за последние дни у нас с Гейбом, в конюшнях и загонах остальных животных. Помимо этих веселых происшествий и смеха за столом, у нас с Гейбом все так же хранилась тайна. Наши отношения за всю нашу дружбу стали мрачнеть. Он выдавал претензии о том, почему я избегаю его, и почему мы не видимся в нерабочее время? Почему я так мало спрашиваю о наших общих делах и неужели я испугался?

Разговоры о мелких ограблениях были полностью закрыты, по причине бурной суматохи в городе, чтобы никаким образом не привлечь внимание на ближайшую провинцию, которую казалось должны были уже давно обыскать. И я был безмерно рад, что мне не приходилось врать другу еще сильнее, хотя ложь моя была настолько велика, что значение это уже не имело.

Когда мы с Грейс собирались уже засыпать, за окном разразился шум, от топота, смеха и пения. Ночь костра опять в разгаре. Местные вечера у молодых проходили так, и большинство направлялись сейчас туда.

– Черти! Да, когда же вы уже поразбежитесь! – прокричала вышедшая соседка.

– Что это? – шепотом спросила Грейс.

– Вроде местной вечеринки раз в месяц, – объясняю я.

– Ты был там?

– О, одно время я был там самым постоянным гостем, но со временем все это крайне надоело.

– Понимаю. Мне тоже надоело многое, я была вечно привязана к приемам, но на таких вечерах я никогда не была. Как там?

– Весело, шумно... там забываешься, не думаешь ни о чем другом кроме как о настоящем моменте. Знакомишься с людьми, если вдруг еще не знаком со всеми в деревне, да и все...

– рассказываю ей я воспоминания о прошлых ощущениях, что были точно такими же как я описал, но до нашей встречи.

В прошлом месяце такой вечер закончился тем, что весь следующий день я пропустил рабочий день, лежа в койке, отходя от последствий дурманного состояния, жалея, что потерял рассудок, ну а дальше все пошло по наклонной.

– Я хочу туда... – пробубнила она.

– Ты хочешь?

– Нет... в смысле да, но не сейчас. Я не думаю, что хочу выходить.

– Ты уже две недели никуда не выходила, надо развеяться. Я буду везде рядом. Если захочешь, то даже познакомлю с кем-нибудь, – предложил я.

– На улице холодно... – начала она.

– Оденешь что-то из моего, я покопаюсь. Можешь не торопиться, все равно там разбегутся все только к утру.

Она встала и отвернувшись, медленно натянула на себя постиранное платье, в котором тогда пришла ко мне. Дома она ходила в моих рубашках, и отец мой частенько делал ей комплимент по поводу того, что ей и мужская одежда к лицу. Она от души благодарила его и утверждала, что так же и брюки на женщинах самое практичное, что может только случиться с человечеством. И что никакие штаны не смогут отобрать женственность у леди, у которой она уже изначально была.

Отец мой спал крепким сном, когда мы совершенно тихо вышли из дома и направились на шум. Грейс оглядывалась и бывало, что шарахалась громких звуков, когда они были слишком близко. Я спросил ее на ухо, как ей спится у нас? На что она ответила, что места спокойнее для сна, до этой ночи, она еще не видела.

Глава 12

«И пусть этот вечер будет нескончаем. И пусть тоска покинет наши души, и пусть оставит нас двоих!».

Звуки знакомых для меня мелодий, оживляют во мне еще более раннее юношество, что со временем я утратил. Звуки смеха раскачивали во мне воспоминания о старых знакомых и случайных влюбленностях, что разгорались вечером и потухали на утро. Тот период был ярким, память о нем сохранилась в моем сердце.

Смотря на всех этих людей, имен которых я уже и не припоминаю, я вспомнил, как мы с Гейбом и Оливией сидели на бревнах и встречали рассвет, после одного из вечеров у костра. Половина людей разбежалась по домам, а половина заснула прямо на холодной земле, не в силах дойти до кровати после бурной ночи.

Мы смеялись по глупостям и строили теории как сложится наша судьба. Кажется, это было года два назад... у Оливии были перемены, она проходила через период, когда страх превращался в смелость, а запрет – в упование. Мы с Гейбом были напуганы ее резкому поведению и тем непослушаниям, которые были значительней, чем хулиганство в детстве.

До этого момента, время мы проводили хоть и весело, но доля обиды и неполноценности сподвигли ее сделать шаг к дерзости, которую ни за что не одобрили бы ее родители. Со второго раза, когда мы с Гейбом осмелились взять ее на ночные прогулки. Обсудив это с ним, мы осознали, что ближе Оливии, помимо нас двоих, у нас никого нет. И что пора бы посвятить ее в свою полную жизнь.

И снова, то обещание, что даю я каждый раз, когда забираю ее из дома! «Все будет хорошо, тетя Энн. Я прослежу, чтобы она не делала никаких глупостей. Верну я ее вам в целости и сохранности, и тем более уж с чистой совестью» – вот, какой я лжец. Не стоит забывать, что как бы люди не уважали драгоценных родителей своих друзей, но с их детьми нас связывает большая обязанность, которая гласит: «Лучше взять на себя грех и груз, нежели выдать своего друга».

И тогда-то мы пообещали, два веселых друга и одна малолетняя подруга, что жизнь не сможет так легко и глупо разлучить нас. О, как же мне забавно и одновременно грустно от того, как мимолетны наши речи; как я слаб и изменчив в своих обещаниях! Ну разве быть таким, не значит быть предателем общей клятвы, данной по утру?

В лучах костра я услышал чересчур знакомый смех. Оливия опять веселилась. Держа аккуратно наполненную рюмку, танцевала с одной из старших девиц. Волосы ее разлетались в разные стороны, что лица почти не было видно. Грейс огляделась и не заметила моей заинтересованности.

– Ты будешь пить? – спросила она немного с волнением.

– Нет, не буду.

– Ладно, – со скрытым облегчением ответила она и прошла чуть дальше, вглубь толпы, больше не нуждаясь в моем близком присутствии.

Кто-то начал с одной песни, все дружно подхватили и начался вой. Такой громкий, фальшивый, но душевный. Ребята не стеснялись прикасаться друг к другу; кто-то отводил девушек в сторонку и признавался в чувствах; кто-то просто радовался моменту отдыха; а кто-то, совершенно одинокий, чувствовал себя частью чего-то единого.

На другом конце костра я увидел Грейс со спины и решил подойти. Но не прошло и пяти минут как я понял, что делать здесь мне абсолютно нечего. Переступая через бревна, пробираясь через людей, думаешь: «Как бы никого не задеть?»

– Джеймс? – позвала меня кто-то из девушек.

Я обернулся и увидел сидящую, не примечательную девчонку на высоком пеньке. Я замялся и ждал от нее дальнейших слов, хотя припомнить ее я совсем не мог. Она медленно встала и со всей женской силой дала мне ожесточенную пощечину, к которой ни я, ни рядом сидящие люди, (возможно ее друзья) готовы не были. По щеке раздалось жжение, но больше этого я хотел объяснений.

– Кто ты вообще такая, чтобы трогать меня?!

– Я...

Ярость пропала из ее глаз, остался всего лишь страх, что был точь-в-точь похож на страх кролика, попавшего в ловушку.

– Я спрашиваю тебя, кто ты такая? – уже более спокойно спросил я ее, сверля взглядом.

– Розалина... я Роза, которую ты так любил, полгода тому назад.

Я обернулся посмотреть, не делась ли куда Грейс. Она была там же и с кем-то увлеченно разговаривала.

– И что ты хочешь от меня, милая Роза? Я даже не припоминаю тебя.

– Такого не может просто быть! Мы так любили друг друга, Джеймс... Перестань играть, я все приму, все оправдания. Куда же ты пропал на все это время? Я прощу тебе это, но только объяснись! – она нежно взяла меня за плечи. – О, Джеймс, я даже написала стих о нашей горестной разлуке! «Любовь полна отчаянья, в момент ее распада, но наша, верю я...»

– Не взаимная, болезненная влюбленность так вдохновляет, не правда ли? – ответил я со всей возвышенностью, и посмеявшись над ее мадригалом, ушел, похлопав по плечу.

Я не успел увидеть, как ее глаза наполнялись слезами унижения, а губы поджимались в скорченной гримасе лица. Я почувствовал некое недомогание в груди, будто все ее желание отомстить влилось мне в проявление чувства вины, которое я быстро мог убрать с помощью спиртного. Но договоренность с Грейс, справляться с проблемами своими силами, встала мне высокой, каменной стеной, разрушать которую я не был намерен.

Подойдя ближе, я понял, что с Грейс ведет беседу с Гейбом. Я напрягся и нервно сжал кулак. Чувство тревоги отпустило меня, как только я радостно вспомнил, что он не знает о том, кто она такая и какое отношение имеет ко мне. А значит не сможет сболтнуть ничего лишнего.

«Ну где же твое доверие, мой старый друг?» – вспомнил я про давнее обещание.

Сейчас мне придется представиться.

– Добрый вечер, ребята! – весело подошел я.

– Дружище, ну наконец-то! – воскликнул Гейб, он был действительно рад моему приходу.

– Вы уже познакомились с Грейс? – спросил я будто невзначай.

– О чем ты, вы тоже знакомы? – удивленно спросил Гейб.

– О, Боже, ты же Гейб! Как я сразу не узнала? Джеймс мне рассказывал много историй про вашу повседневную жизнь. Надеюсь, мы сможем пообщаться ближе после этого вечера.

– Да, конечно, но, а вы...

– Грейс, моя подруга, – отрезал я, украдкой посмотрев на нее, и поняв, что это было одновременно и правильным, и глупым моим решением представить ее так.

На лице ее была неподвижная улыбка, а взгляд, ни разу не направился на меня.

– Ладно, хорошо, – ответил он странно. – Думаю, тебя стоит познакомить с остальными ребятами, – и кивнул в сторону резвящейся компании, немного отделившейся от остальных.

Я хотел что-либо возразить, наподобие того, что она только-только вышла из дома, или что нам пора домой. Но она настолько быстро согласилась, что, уходя, даже не посмотрела назад.

Первые десять минут, я сидел и смотрел на все, что меня окружает. Запрокинув голову. Пляясь на ночное небо, я почти заснул, пока кто-то опять не нарушил мое спокойствие.

– Ублюдок!

«Да что же такое опять?!» – подумал я, резко открыв глаза. В этот раз передо мной была Оливия. Еле стоящая, наглая Оливия.

– Как ты можешь говорить такое людям? Просто брать и говорить правду, не смягчая ее ничем. Еще и подавая ее в самой ожесточенной манере? Как ты ужасен, я замечаю только сейчас!

– Ты видно всего лишь пьяна.

– Нет, я видно всего лишь разочарована!

– Поверь, не так все плохо, как есть на самом-то деле. Порой определенность намерений другого человека, дает нам значимо больше, чем призрачная надежда.

– Ты мерзок!

– Я просто прям и не морочу голову.

– Не морочишь голову, когда переломишь поперек чужие чувства!

– Не моя вина, что твоя легкомысленная, приезжая подружка, спустя столько месяцев, до сих пор вспоминает какие-то совместные пару недель! Возможно я и сломал ее чувства, но ее чувство достоинства было переломлено задолго до меня.

– А может я и не про нее, – ответила она.

– Тогда мне стоит извиниться.

– Но эти извинения я принять не смогу, слишком уж задевает меня твой взгляд на ту богатенькую девку, которую я видела в окне вашего дома! Слишком тесно, Джеймс. Слишком тесно для всех нас. Я вижу даже то, что не хочу видеть. Слышу от людей то, что даже не хочу слышать. Чувствую то, что даже не имеет смысла!

– Тебе может казаться, что мои чувства к девушке могут изменить мои чувства к тебе. Но дело в том, что это ты своими действиями усугубляешь наши долгие, незаменяемые взаимоотношения. О, Оливия, ну прекрати же эти муки, все тяжелее и сложнее с каждым днем. Неужели твои чувства пошатнут ту опору, что мы строили годами?

Искренность и печаль тех слов, что мне пришлось сказать ей после грубого заключения того самого дня, отражали всю правду. Но нужна ли кому-то такая правда? Она молча обдумывала это; и уже заранее я знал, что это чувство ничем не облегчить.

– Хорошо, и даже если так, единственное, что я могу сделать теперь, это не заговаривать с тобой. Я уже не злюсь. Не злюсь, но уж лучше будет мне тебя не знать, и не здороваться как увижу проходящим. Я отпущу, ты не беспокойся, если тебе конечно есть дело. А то уж новая возлюбленная, видно слишком зацепила тебя своей проницательностью и деньгами.

– Перестань нарываться.

– Я уже нарвалась. Да так сильно, что поняла бы только твоя мать!

– Оливия, закрой свой рот!

– Ты ударил меня уже однажды. Чего же стоят твои слова о нашей дружбе? Чего же стоит твоя любовь? На выборе, на примере видно, что богатств...

– Как же сильно ты хочешь задеть меня за нелюбовь к тебе!

– Жаль, что Роза встала не так близко к твоей девице; жаль, что ты не подошел к ней ближе; так жаль, что она не услышала всех тех слов о том, как мог ты поступать.

– Так Роза не напрасно появилась тут спустя полгода?

Оливия стыдливо опустила голову, поняв, что сама же выдала свои коварные планы наружу, и зашмыгала носом.

– Могла бы найти девушку поближе! Ну или же собрать целую очередь девушек, обвиняющих меня во всем! – потряхивая за плечи, орал я на нее, что от страха, казалось бы, в плаче ее начало трясти и без меня. – Но с этого вечера, запомни, мы и вправду отпустим друг друга. Не было никакой клятвы, и не было никакого костра! – процедил я перед тем, как оставить ее в оцепенении.

Глава 13

– Зачем ты представил ее мне как подругу? – спросил Гейб, еле видимый, в лучах утреннего солнца.

– Потому что она моя подруга, – нехитро ответил я.

– Очевидно же, нет. Неужто ли, тебе так нравится врать мне? Ну колись! Что у тебя было с этой богачкой, и что она вообще тут забыла?

– Мы просто развлекались, ничего необычного. Она хороша, красива, да и только.

– Не с ней ли ты пропадал почти месяц? – вроде как в шутку спросил Гейб.

– Да конечно, нет. Лучше бы рассказал, как обстоят у нас дела с доходом? Когда уже можно покончить с этим? По-моему, прошло уже достаточно времени.

– Ничего себе! Ты заинтересовался нашей основной миссией!

– Ну хватит.

– Ладно, дела обстоят настолько хорошо, что лучше быть уже не может. Сюда дошли известия. А какие, ты попробуй угадать, – подмигнул мне Гейб, а я и понятия не имел, как это известие могло пойти в нашу пользу.

– Гейб, я без понятия! По твоему лицу, я вижу, что это что-то стоящее. Так не тяни же! – радостно призвал я.

– Мужчина, представляющий и спонсирующий этот завод скончался!

– А значит...

– А значит у государства не будет стимула вести это дело до конца, и нам ничего не будет угрожать.

– Боже... – с радостью и облегчением выдохнул я.

– Во благо. Во справедливость нам. Хоть не по Божьему закону, зато по закону выживания!

Гейб бодро рассыпал кормежку курам и смотрел на ясное небо. Дожди прошли, воздух был холоден, а мы на удивление веселы и беззаботны. Хоть забот и переживаний было по накопительной...

Вчера с костра мы ушли поздно. Не разговаривали, а просто перебирали ногами друг другу в такт до дома. Я нарушил обещание, да и плевать. Да, я выпил. Я не обязан оправдываться перед кем-либо. Возможно даже она и не заметила. Возможно не почувствовала этот пронзительный, крепкий запах.

– Не хочу лезть в ваши дела, но что между вами с Оливией опять происходит?

– Уже ничего. Это надо было закончить рано или поздно.

– Закончить что? Любые взаимосвязи? Да бред это все! Ты не можешь ее взять и оставить, она как сестра тебе. Она дороже тебе, чем весь этот чертов край, и все вместе взятые люди. Я уверен, что ты не протянешь, не нянчившись с ней.

– Не начинай опять! Хочу погрузиться в работу, да и только. Больше никакой Оливии.

– Ты знаешь, что твоя красавица спрашивала у меня с кем ты ведешь такую бурную беседу? Я ее отвлек, чтобы она не видела тебя в образе зверя. Но она кинула на меня такой взгляд, после которого я подумал, что вы, однозначно, подходите друг другу!

– Ой, да ты дошутишься сегодня! – стал резво я угрожать ему.

– Проведем этот день вместе?

Я на секунду задумался, а потом уверенно ответил:

– Конечно, думаю надо по старинке!

На улице долго мы не продержались. Зашли к старым знакомым, однако, через пару часов, оттуда нас выкинули, наставив всего пару фингалов на лице. Ох, видел бы кто-нибудь тех парнишек, кому мы вдруг невзлюбились. Уверяю, у них и места живого не осталось.

Ввалившись к Гейбу домой, прилегли на старые кресла. Он принес недопитые виски и стал рассказывать какую-то шутку про одного из якобы уважаемых фермеров, что появился тут недавно. Посмеялся, и сказал, что надо было видеть его лицо, когда он понял, что права качать тут, у местных ребят, привыкли только мы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.